

«Мы появляемся на свет там и тогда, где должны, там и тогда, где можем что-то изменить к лучшему, — не зря Франциск Скорина повторял библейское о пчелах, которые защищают ульи свои, и птицах, которые ведают гнезда свои, сколько б ни летали в безграничном пространстве... Без пробуждения исторической памяти, без культурной идентичности со своим народом и любви к родной земле не может состояться личность».

Людмила Рублевская

«Кто-то из великих сказал: «Поэзия — это то, что остается после слов». А остаются чувства».

«Когда на первое место ставится у человека «я», в мире появляются Гитлер, Пол Пот, Пиночет... И наоборот, когда на первое место ставится человеческая душа, на белый свет рождаются Микеланджело, Пикассо, Пушкин, Купала...»

Змитрок Морозов

«Как известно, все проходит: река — меж пальцев Гераклита, время — сквозь философию Августина. И только неизменна надежда отыскать жемчужину в течении Немана...»

Иван Мельников

«Одни спасаются в прошлом, другие убегают в будущее. Лишь немногие стоят лицом к лицу с настоящим. Только благодаря им приходит будущее и наполняется прошлое».

Валерий Липневич

«Любовь — это мост между душами. Именно она создает духовную связь, которая выходит за пределы времени».

Олег Ждан

«Сознание определяет бытие, а не наоборот. Именно поэтому важно верно расставить жизненные приоритеты, где на первое место следует поставить духовный, внутренний мир человека. Только в таком случае возможно привнести в мир свет высшего человеческого разума, избежать ненужных ошибок, которых мы, увы, наблюдаем так много и которые оказывают влияние на все сферы жизни физической».

Светлана Быкова

«Все, что создает человек во имя Любви, не умирает».

Валерий Нехай

«Деньги ничего не стоят, если остаются бумажками, за которые не куплены подарки. Слова ничего не стоят, если ими не согреты сердца».

Наталья Светлова

«Быть писателем — значит служить Слову, тому самому, что было в начале, в самый первый день. Быть писателем — значит словом сотворять миры, населять их героями, стремящимися к свету, словом согревать человеческие сердца. Литература непременно должна служить высокой цели, давать надежду на лучшее будущее, особенно в темные времена».

Виктория Клевко

Навум Гальпяровіч «Чырвоны мост»

Красный мост — одно из знаковых мест древнего Полоцка. Для автора, известного поэта и прозаика, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь это сакральный образ его детства и юности, образ первой любви и верной дружбы.

Своеобразный герой романа — родной город, который стал местом силы писателя, помог его духовному становлению. Произведение полнится щемящим лиризмом, тонким юмором, светлой грустью. Это исповедь, лирический дневник одного из современников, человека с богатой и интересной биографией.

«Непаўторная вясна»

В сборник вошли хрестоматийные произведения Ивана Шамякина, Василя Быкова, Ивана Пташникова, Виктора Карамазова, Константина Вереницына, Максима Богдановича, Янки Купалы, Винцента Дунина-Марцинкевича, Уильяма Шекспира в переводе Владимира Дубовки, которые включены в программу по белорусской литературе для 10—11 классов средней школы.

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Подписано в печать 08.09.2025. Формат 70×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 9,88. Тираж 550. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2025
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2025
© УП «Мастацкая літаратура», 2025

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

АВАНТЮРЫ ВЫРВИЧА, ЛЁДНИКА И ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Роман приключенческий и фантасмагорический.
6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича».
Продолжение. Начало в № 8 за 2025 год

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАК ПРАНТИШ УЗНАЛ, ЧТО ИМЕЕТ ПРИ СЕБЕ ОРФАНУС

На гербе маленького городка Баден, который прячется между поросших лесом холмов долины Хелененталь, сидит в лохани пара супругов. Местный князь с женой лечатся от бесплодности. По дороге на лечебные воды, возможно, именно вон в том густом лесочке, всползающем на взгорье коричнево-золотым драконом, два брата-разбойника украли бездетную княгиню, а заодно ее три юбки. Неизвестно, что сделал князь, но в скором времени ему вернули и жену, и юбки, супруги попали в свою лохань, а через девять месяцев заполучили наследника. Виват чудодейственным родникам Бадена!

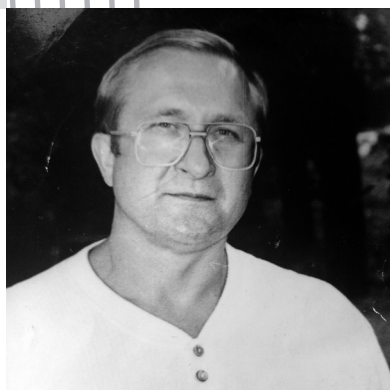
Вырвич, разглядывающий пестро раскрашенный герб на городской башне, скептически хмыкнул. На его суждение, братья-разбойники в этой мутной древней истории являлись более вероятной панацеей, чем вонючая вода. Но деликатных господ удовлетворяет только деликатная версия. Вон сколько таких вальяжно прогуливается по мостовой, ведущей к Рамерквелле — римским термам. Водичка из тех терм провоняла весь городок, как опрокинутая гигантская бочка квашеной капусты. Но императрице Марии Терезии серные источники понравились, не зря же там лечились еще римские легионеры, а возможно, и кое-кто из цезарей. А что одобрила венценосная персона, сразу делается модным.

Вот все и съезжаются наперегонки в городок под Веной. Местные уже озолотились на содержании игровых да гостевых домов, кабаков да борделей. Где-то в полдень куртуазная публика просыпается, пару часов одевается, пудрится, приклеивает мушки и потом выползает на этот бульвар, непременно с таинственно-усталым выражением лица. Придирчиво оглядывают друг друга, раскланиваются, обмениваются сплетнями... Друг за другом отправляются к подножию горы Кальвариенберг посидеть в теплой вонючей водичке...

Змитрок МОРОЗОВ

О, КАК ДОБРОТУ СОХРАНИТЬ?

Стихи

ОЧАРОВАННОСТЬ

Пьет из георгин пчела нектар —
Земли и солнца светлый дар.
И миг застывший полон чар:
Пьет из георгин пчела нектар.

ВЕЧЕР ЖАТВЫ

Погасло солнце. Леса тень
Слилась с ночною темнотой.
И завершивший жатву день
Зерном пшенички золотой
Скатился на мою ладонь...

Как долго длится летний день!
Как мало длится жизни век!
Кто я меж ними? Только тень,
С названьем скромным — человек.

Недолги, как слезинки,
Мгновения души.
Крестины и поминки,
Меж ними — наша жизнь,
Отмеренная Богом...
И надо жить в надрыв,
В безгласии убогом
Себя не растворив.

Иван МЕЛЬНИКОВ

В ПУЩЕ

Повесть

Для того, что я задумал, трудно было найти более удобное место.

Раздвигая ветви, я рассказывал правдоподобную историю...

Рюноске Акутагава «В чаще»

АРТЕМ

Звуки выстрелов стихли, и каждый из нас замер в опустевшем доме. Лена поднимает часы, проводит рукой по треснувшей малахитовой подставке и оборачивается.

— Отец, — спрашивает она, — вы не видели змеиную голову?

Владислав вздрагивает и отрывает взгляд от погасшего камина. Вновь снимает очки, чтобы протереть стекла промокшим платком, и замирает, удивляясь сомкнувшимся сквозь оправу пальцам.

Я наклоняюсь к бумаге и пишу.

Даже сейчас, стараясь припомнить все детали произошедшего, я не могу быть уверен в точности воспоминаний. Стоит ли говорить о бесплодности моих попыток отыскать или выдумать — велика ли разница? — связь между образами, всплывающими из памяти. На вашем месте я бы не очень на это рассчитывал.

Редкие проблески понимания — как и почему мы все здесь оказались — гаснут, словно светлячки, растворяясь в лесном тумане.

В тумане, поглотившем нас окончательно.

— Знаешь, что это? — ехидно спросила Лена, указав на грязную лужу. — Это мой след, когда я не перепрыгнула ее в первый раз. А вон тот, длинный, видишь?

Показала чуть в сторону и поймала взгляд, убеждаясь — вижу.

— Это когда почти смогла — во второй.

Я вспомнил, как подхватил ее, не дав упасть, но когда это было?

Валерий ЛИПНЕВИЧ ЕЕ МОГУЧИЕ КРЫЛЬЯ...

Стихи

Еще живу. Слезою раскаленной
скользнет светило в тягостную мглу.
Еще живу. И жар травы зеленой
восходит, остывая, в синеву.

Еще живу. И торжество заката,
которым нынче волен пренебречь,
не приговор, отложенный когда-то,
но только красок пламенная речь.

Еще живу. И, напрягая жилы,
тяну свой невод из глухих глубин.
Еще живу. Еще мы оба живы.
Любима ты. И я еще любим.

Так отчего же болью несказанной
душа исходит на закате дня,
как будто кто-то чистыми слезами
уже тебя оплакал и меня?..

СЕРОЕ И ЗЕЛЕНОЕ

Я вздрогнул:
верба,
задыхаясь в серой коре,
исходит зеленью —
криком
своей вечной любви к маю!

Мальчик
в поисках новых цветов
смешал

и старательно размял радугу,
что лежала в коробке с пластилином.
И удивился:
все краски
спрятались в серой.

Яркий, талантливый мужчина.
У него красивая, умная жена.
И только усталость на их лицах
проговаривается,
как им скучно вместе.

Под серой шинелью дней,
как фотографию любимой,
хранишь у сердца
зеленую
веселую краску.

* * *

В. М. С.

Равнины светлые твоих спокойных глаз.
Скольжу, как месяц, над простором снежным.
И облака, что разлучают нас,
не нарушают счастья безмятежность.

Так, смежив веки, не теряют вдруг,
в объятья заключенные, друг друга.
И зренье кожи, зренье губ и рук
замкнет затвор спасительного круга.

Лишь только в нем едины до конца.
Нас разделить ничто уже не в силах.
И без иконы твоего лица
мне в храме бытия невыносимо.

Равнины светлые твоих спокойных глаз.
Ну что еще случиться может с нами?!
Уже простором снежным пронеслась
сама судьба — как тройка с бубенцами.

* * *

все эти люди
в строгих костюмах
так и не смявшихся при рождении
с аккуратными прическами
и дозированными улыбками
с дежурными фразами
на все случаи жизни

все эти люди
вызывали ощущение
частей какой-то машины
притершихся друг к другу
блестящих и холодноватых

в них не было человеческого —
шероховатости дерева
и беспокойства воды

Старик
у детского смеха греется.

Современные,
мудрые, мы —
у юных богов твоих, Греция.

Людям холодно
на вершинах истин.
Руки золою
вымазав,
греются
у огонька
вымысла.

И счастье —
очень похоже
на обугленную картошку,
что, выхватив из костра,
ты перебрасываешь, милая,
с ладошки
на ладошку.

БАБУШКА

Солнечный свет,
процеженный сквозь облака,
еще фильтруется белыми занавесками.
Хорошо глазам —
как рыбам в чистой воде.

Бледные цветы
на голубых обоях.
Как твои сегодняшние глаза, бабушка,
на фоне молодых и забытых.
Бледное на голубом,
настоящее на прошлом.

Рогатое красное солнце,
что заходит утром и возвращается вечером,

все еще цепко держит
измученную планету твоей жизни.
И не мелеет молочная река,
что начинается у твоих рук.

Ты виновато оправдываешься:
не знаешь ни сказок, ни трав,
нигде не была,
никуда не ходила.
От восьми до восьмидесяти —
только работа.
Ее могучие крылья
бесконечно проносят тебя
над картофельным полем,
огородом и лугом.

Неужели твоя корявая ладонь
с обломанными ногтями
тоже была ладошкой —
дорожкой
сквозь поле ржаное,
по которой девочка с голубыми глазами,
белоголовая, как одуванчик,
бежала к реке?

Годы прошли, как обозы.
Ненастье, распутица, слезы.
И тысячи дней за подводами
босые брели и голодные.

Ах ладошка-дорожка!
Разбитая проселочная дорога,
схваченная морозом.

Каждый раз сжимается сердце:
ты спускаешься в погреб за картошкой,
как на тот свет.
В самых обычных,
будничных делах
мы тысячи раз репетируем смерть.
И привыкаем к ней —
как привыкаем к жизни.

Солнце
вылупилось из облака, как цыпленок.
— Что ж ты — светишь да не греешь...
Как это еще зиму переждать...
Так не хочется помирать этим холодом...
И земля что камень...

Пригорюнившись,
ты глядишь на меня блеклыми,

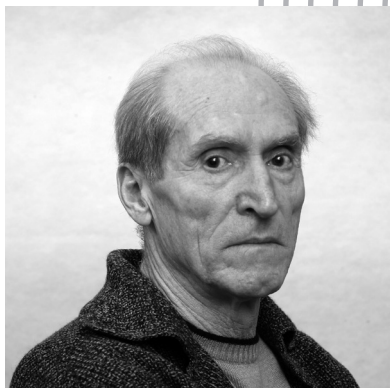
когда-то голубыми глазами.
В них больше сочувствия ко мне,
молодому,
чем зависти.
Так или иначе,
ты уже прожила свою жизнь,
а мне еще предстоит
эта долгая работа,
что властно пригибает к земле,
обесцвечивает глаза,
от которой, не утихая,
болит сердце...

Кто тебя расчесал так, бабушка?
Так черным поломанным гребнем,
осветляя,
реку расчесывает плотина.

Простоволосая,
ты стоишь у цветущей груши,
почти ровесницы,
и заглядываешь в чашечку цветка.
Праздник цветенья
и торжество угасанья
природа —
расчетливая крестьянка —
справляет одновременно.

Бабушка,
ты проходишь цветущим садом.
Светятся твои глаза
и расправляются морщины.
Ты упруго ступаешь,
будто дом полон гостей.
А это только весна
зашла тебя проведать и вылечить...

Олег ЖДАН

МАКСИМКА ИЩЕТ ДРУГА

Рассказ

Казалось, Максимка смирился с тем, что ему не придется идти в школу, но 1 сентября, когда Вовчик отправился на уроки, он увязался следом и ревел всю дорогу. Самое обидное было в том, что мама Вовчику положила в сумку горбушку хлеба, который день назад испекла бабушка, и бутылочку молока, которое купила у соседки, а Максимке не дала ничего. «Тебя я покормлю дома», — произнесла она несправедливые слова. Вовчик отправился в школу бодро и весело, а Максимка шел сзади и ненавидел его. У школы стояла техничка-уборщица и, увидев Максимку, взмахнула метлой: «Чего реवेशь? Марш домой!» И Максимка, заревев еще громче, повернул обратно. Впрочем, за первым же углом умолк: какой смысл плакать, если ни у кого нет сочувствия? Правда, мама обняла и расцеловала, но и рассмеялась! А что смешного в обиде? Ничего. Однако больше плакать не стал.

Весной мама, бабушка и Маша на участке у сожженного отступавшими немцами дома посадили огород, в том числе две грядки морковки, и теперь, когда голод начинал особенно мучить, Максимка выдерживал одну-две морковки и тут же съедал. Бабушка решила, что воровали те же люди, что когда-то раскопали яму на огороде, в которой они перед боями, перед тем, как уйти из города, запрятали вещи. Дед Иван даже ходил караулить по ночам участок, но Вовчик догадался, чьи это проделки.

— Признавайся! — сказал Максимке Вовчик.

— Нет!

— Тогда я скажу!

Спор закончился слезами, и тайное стало явным для всех. Но Вовчик надеялся напрасно: и дед, и бабушка, и мама с Машей и Катей молчали. Теперь виноватым себя почувствовал Вовчик и на другой день во время завтрака положил на тарелку Максимке одну свою картофелину.

— Не надо мне! — заявил Максимка.

— Не хочешь — как хочешь! — и картофелину забрал.

В результате оба получили от матери по шлепку.

Понятно, что человеку существовать одному невозможно, поэтому надо искать друзей. Где и как? На следующий день он, прихватив большой гвоздь, который нашел когда-то на пожарище, пошел по своей улице. Ноги опять принесли его к их сгоревшему дому. Черные бревна здесь давно были рассортированы, но даже дед не знал, что с ними делать. Печь, которую когда-то сложил дед Семен, торчала как что-то опасное, и Максимка долго не решался подходить к ней.

Светлана БЫКОВА

СПЕЛЫМ ЯБЛОКОМ КАТИТСЯ ГОД...

Стихи

«Кто знает — тот уже молчит», —
Сказал Мудрец, познавший Бога.
Незрелый плод еще горчит —
Созреет лишь к концу Дороги.
За горизонт уходит Путь —
Он дан тебе, чтобы учиться.
Получишь «два» — не обессудь —
Урок еще раз повторится.

«Кто знает — тот уже молчит».
Не знаю я — болтаю много...
И плод во рту еще горчит,
И далека еще Дорога...

«Слушай, как рвется в лесу паутина...»

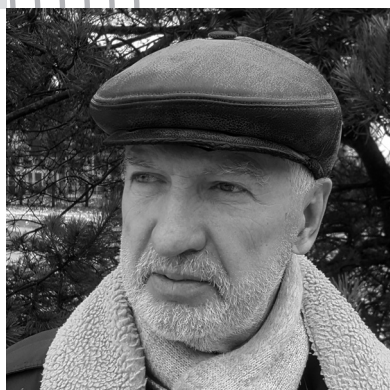
Лин По

Слушай, как рвется в лесу паутина...
Замер весь мир — тихий слушает звук,
И проявляется чудо-картина
Мага-Художника с тысячью рук.

Сразу теряются цели и смыслы,
Слов человеческих грубая вязь —
Обозначения, правила, числа —
И проявляется тонкая Связь.

Валерий НЕХАЙ

БЕЛЫЕ
РОМАШКИ
С ЧЕРНОЙ
ОТМЕТИНОЙ

Повесть

— Не забудь про белые ромашки.

Донеслось из спальни. Голос у жены звонкий, чистый, как у ребенка, его слышно из любого уголка квартиры. Максим одевался в прихожей, собираясь идти в магазин, подумал мгновение и подошел к жене.

Полина сидела за столом и что-то писала.

— Какие ромашки?

Жена глянула на мужа, улыбнулась.

— Максим, у тебя память девичья. Сегодня твоя тетка приезжает из Бреста на твой день рождения. Чем ты собираешься ее встречать?

— Могла бы в этот раз не приезжать. Тридцать пять — не велика дата, чтобы тащиться в такую даль.

— Какая даль? Поездом до Минска пять часов пути. А ты против?

— Не в этом дело. Настроение такое... Не до гостей.

— То-то я смотрю, ходишь третий день, как отмороженный. О чем ты все время думаешь?

— Новый объект из головы не идет. Заказчик такие сроки зарядил... А у нас проект завернули.

— Ты же говорил, что с проектом все тип-топ.

— Инженеры из сметы вышли, теперь нам переделывать.

— Ты уже неделю в отпуске. Без тебя управятся. Успокойся.

— Я бы рад, если бы Селова вместо меня поставили. Балевич со своей бюрократией и перестраховкой все дело завалит. А виноват я буду.

Максим Ледин работал в проектном институте уже десять лет. Три месяца назад его утвердили главным архитектором проекта, и теперь он отвечает за все, что творится в его мастерской.

— Если завалят, Балевич и ответит. А ты спустись на землю к делам нашим грешным.

— Что там с ромашками?

— Белые ромашки — любимые цветы твоей тетки. Забыл?

— Спасибо за напоминание.

«Почему я должен помнить эти женские капризы? — думал Ледин, возвращаясь в прихожую. — Какая разница, что дарить? Цветы — они и в Африке цветы».

Наталья СВЕТЛОВА

ВИДЕТЬ В КАЖДОМ ХОРОШЕЕ...

Стихи

Вдох новый от тебя,
Из-за тебя и
Для тебя.
И жить, и верить, и любить
Из-за тебя.
И красоту в тебе боготворить,
Благодарить истоки за тебя.
Вся жизнь, что без тебя, не та.
И больше, и величественнее от тебя,
Из-за тебя.
В июне липа без тебя, считай, что не цвела,
И аромат ее не полон был.
Не жил он без тебя, а временил.
Бокалы декабря сухие без тебя.
Как зря!
Стих — просто эхо
Без тебя, немое, голое, бесплотное,
Как нерожденное дитя.
Как будто бы эскиз или же план,
А ты — мечта, что наконец-то ожила.

Видеть в каждом хорошее —
От него же это получить,
А рассчитывать на большее —
Разве только полюбить.
Не случайна формула про зеркало:
Как посмотришь ты —
Посмотрит и оно,

Вот такой же точно меркою
Отзовется ближнего нутро.
Несомненно, в каждом червоточина.
Но зачем на ней акцент?
Это лишний раз пощечина,
Как за правду грязный цент.

ГНЕВ

Гнева шквал — осколок в темя —
Хуже, чем девятый вал.
Что рычишь, больное племя?
Лев и тот безмолвным стал
И не рыкает напрасно,
А по истовой нужде.
Лоб кричащего же красный,
Пот течет по бороде,
И сознание ненастно,
Скверных мыслей хлынул град,
Многословие опасно,
Если брякать невпопад.
Будто потные онучи,
О себе не даст забыть
Злой крикун: вещает, учит,
Но на самом деле мучит,
Как с ним справедливым быть.
Гнева шквал — осколок в темя,
Что уложит наповал.
Гнев убить — больная тема,
Как унять девятый вал.

ПУГЛИВАЯ УЛИТКА

А. С.

Что мне, жалко для вас улыбки?
Ну и пусть, что случился раздор.
Чем я лучше пугливой улитки,
Если прячу тихий укор

За расхлябанность вашу и вялость,
Неуменье меня отстоять,
За надуманную усталость
И желание время догнать?

Проще было хранить мне обиду
И, завидев вас, убегать,
Как улитка — в домик-кабину,
Ведь укор было стыдно принять.

Только прятать его стало сложно,
Каждый раз отводя глаза,

Так врагами заделаться можно,
А улитке без дома нельзя...

Был раздор? Ну и пусть, было много
Разных ссор и нерадостных дней.
Да, грешим, но мы все дети Бога —
Не бывает безгрешных людей.

И улыбка — врата для прощенья:
Грешен каждый и не идеал.
И какое большое смирение —
Помнить всех, кто грешил и прощал.

ДУШУ В ЛОМБАРД

Душу в ломбард
Сдать норовит
Брокер один сердобольный.
Сотней петард
Взрыв прогремит,
Будто бы взят город стольный.
Этот игрок хитрее Творца
И почивает покойно,
Сделкой уверив седого гонца,
Вновь обращенного в стойло.
Душу в ломбард —
Как на скатерть харчи
К празднику от воеводы,
Что от сердец собирает ключи,
Всех унижает, изводит.
Душу в ломбард,
Да с приказом «молчи,
Слова ни-ни посторонним».
Если не выдержишь и закричишь,
То будешь взят во исподнем.
Душу бесценную
Сунуть велит
В брак нулевой, уцененный.
Лучше, как брюкву, ее засоли,
Но не в ломбард преисподней.

Едва бы выросли стихи
От жизни
Без разочарований.
Едва трудяга без сохи
Вспахал бы луг
Своих желаний.
Константа жизни — ипподром,
Где вечно скачущие дали.

Виктория КЛЕВКО**ПУГОВИЦА**

Рассказ

В наследство от бабушки мне достались старинный молитвослов на польском языке и трехлитровая банка пуговиц. Никто не знает, откуда взялся этот молитвослов, он был всегда с бабушкой. Возможно, это все, что осталось от ее мамы, все, что пережило войну вместе с бабушкой, что помогло ей пережить войну. Когда хоронили бабушку, долго думали, что делать с молитвословом, она с ним не расставалась при жизни, но *туда* все-таки решили отправить без него. Возможно, подумали, что здесь он нам нужнее, а там молиться уже не надо, если вдоволь молился здесь. Я ни слова не понимала по-польски, но с бабушкиным молитвословом во внутреннем кармане сумки жилось как-то спокойнее.

Выбросить три литра фамильных пуговиц не поднялась рука. Трехлитровая банка под капроновой крышкой, полная пуговиц всех цветов и размеров, — вся наша семейная история под капроновой крышкой. Бывшие пуговицы с бывших одежд бывших людей.

Ничто у бабушки не пропадало: все, бабушка чинила все, что можно было зашить, ушить, перешить, потому что добро не должно пропадать. Что восстановить не удавалось, шло на дачу на подвязы для помидоров и огурцов, а пуговицы отправлялись в банку.

Где-то в банке должны быть пуговицы со свитера дедушки, мамино папы, там же есть пуговицы и с рубашек моего отца. Единственное, что осталось в нашем доме от него. Мама все выбросила, когда папа ушел, все вещи и фотографии, чтобы не мелькала перед глазами его физиономия, с глаз долой, из семейного фотоальбома долой, как будто никогда его и не было в нашей истории, даже фамилии в паспорте не осталось, мама вычеркнула все. Остались только пуговицы в банке, затерялись среди сотен других таких же.

Времена до пуговиц бабушка не помнила, наверное, они были в нашей семье всегда. Пуговицы достались бабушке в наследство от ее бабушки, которая была швеей, и ты бы видела, какие платья она шила для твоей мамы, когда та была маленькая, как ты, и она кружилась, и платья разлетались, и маленькая мама хохотала, и все вместе с ней.

Когда вырасту, мечтаю я стать как прапрабабушка, шить волшебные платья, чтобы они кружились, как мама в детстве, как я, когда

мама не видит, взлетали, отрывали от земли, поднимали выше нашего первого этажа, выше березы на горке, выше всех земных гор, до самых облаков, где живет мой дедушка, выше самых высоких облаков, где живет другой Дедушка, самый Главный. Я мечтаю стать швеей и шить волшебные платья.

Но пока я еще маленькая, поэтому шить мне нельзя, потому что иголки — это тебе не игрушки, можно палец проколоть, занести инфекцию, заражение крови заработать, смерть на конце иглы найти, поэтому шить — нет, нельзя. Шьет в нашей семье бабушка, а я ищу в банке подходящую пуговицу. Перебирать пуговицы я любила. Это были и мои монеты, когда я играла в магазин, и драгоценные камни, когда я находила клад с сокровищами, и таблетки, когда заболел медвежонок. Золотые, перламутровые, квадратные, треугольные, плоские и выпуклые, разноцветные и однотонные, с двумя и четырьмя отверстиями и даже на ножке. На все случаи жизни, для любой одежды, но для каждой строго отведенное место. Бабушка не разрешала пришивать пуговицы где попало, потому что ее бабушка-швея ей за такое руки отбила бы, потому что дефицит, потому что это тебе не игрушки, а серьезная вещь, нужная в хозяйстве. На одной маленькой пуговке одежда держится. «А мама — она как пуговка, на ней все в доме держится», — любила повторять бабушка.

У нас дома все держалось на бабушке, хотя она тоже мама, только не моя, мама мамы, самая большая мама в нашей квартире, самая главная. Моя мама маленькая, как перламутровая пуговка с золотой каймой, самая крохотная и красивая в трехлитровой банке, драгоценная, с какого-то волшебного платья или блузы. Бабушка — большая пуговица, прочная, надежная, металлическая, с ажурным узором по краю. На таких держатся плотные тяжелые ткани, пальто, шубы, все основательное и серьезное, как сама бабушка. Без бабушки всё бы рассыпалось. Без бабушки всё и рассыпалось, высыпалось на пестрый ковер, перемешалось — все три литра пуговиц разлетелись кто куда. Сразу мы даже не пытались их собрать, семью собрать, так и жили разбросанные по разным углам квартиры, оставшейся без бабушкиной хозяйской руки, оставшиеся без главной пуговки.

Но после первой годовщины мама стала потихоньку складывать бабушкины вещи в коробки и выносить их в подвал, свозить на дачу. Приличную одежду мама раздала родственникам, остальное (бабушка, конечно, пустила бы на подвязы, но мама не будет таким заниматься, сейчас все можно купить. И нормальные веревки, а не бывшие штаны и майки, порезанные на тряпки) — в мусорку. Подожди в мусорку, дай я сначала пуговицы срежу. Срежу и добавлю жменю бабушкиных пуговиц в общую банку, в пуговичную летопись нашей семьи, потому что бабушка сделала бы точно так же.

Пуговицы и молитвослов я забрала с собой во взрослую жизнь. Во взрослой жизни я не стала швеей, потому что это все, конечно, очень интересно, но разве этим зарабатываешь на жизнь. То ли дело финансист, экономист или юрист, или еще какой-нибудь серьезный специалист на -ист, но швея... Это не образование, это даже не институт, так, техникум или чего хуже — училище. Мама закончила училище. Мама боялась, что я повторю ее судьбу. Поэтому я пошла в институт на серьезного экономиста, чтобы потом работать в банке, а банку с пуговицами спрятала подальше на верхнюю полку шкафа, рядом с несшитыми волшебными

платьями. Пуговицы я берегла для дочери, молитвослов — для себя. Я подумала, что, когда у меня будет дочь, а у нее заболеет медвежонок, в этой банке точно найдется подходящая таблетка.

О том, что у меня будет дочь, я знала с детства. Это знание появилось само собой, я и имя уже придумала. Вернее, не придумала, она сама его назвала, когда пришла ко мне во сне. Я его запомнила и стала ждать тот день, когда впервые смогу назвать ее по имени. Мне казалось, что этот вопрос уже решенный, я уже почти беременная, почти родила ее, почти ношу на руках и наряжаю в волшебные платья, которые когда-нибудь сошью, когда стану смелой, как бабушка, когда оставлю руководящую должность в серьезном банке, никогда-нибудь.

Но дочь все не приходила. Ни с первого, ни со второго, ни с тридцать третьего раза, ни по календарю, ни в отпуске, ни стоя в березке, и даже с бабушкиной пуговкой под матрасом — ничего, пусто, одна сплошная темная полоса.

Муж не дождался, ушел к другой, потому что она сразу смогла, а я нет. В серьезный банк я больше не вернулась. Целую неделю я вычищала квартиру от следов прошлой жизни, прошлой меня. Я выносила коробки и пакеты с безрадостными вещами, перебирала все шкафы, добралась до самых дальних углов нашей-моей квартиры, до самого основания, до банки с пуговицами добралась.

Целую неделю я сотворяла свой мир, а на шестой день купила швейную машинку и сшила платье. Свое первое настоящее платье, волшебное платье, которое разлетается, когда в нем кружишься, а чтобы точно взлететь, я сшила крылышки и прикрепила их на пуговицы к спинке платья. На бабушкины пуговицы. Волшебные пуговицы, на которых все держится, и даже крылья.

Я не училась шить платья, я училась считать доходы и расходы в зеркальном офисе, в серьезном банке, потому что там хорошо платят. А платья? Кому нужны мои платья, у меня даже дочери нет, которая бы кружилась в них и хохотала, и мы вместе с ней... Но я продолжала шить, короткие и длинные, на бретелях и с рукавами-фонариками, однотонные и с вышивкой, аппликацией, расшитые бисером, прямые и с воланами.

Каждому платью — своя история и пуговка из бабушкиной банки. Еще много-много пуговиц-платьев ждали своего часа под капроновой крышкой. С каждым новым платьем строчки становились ровнее, все в моей жизни становилось ровнее с каждым новым платьем.

«Хорошо, что у вас хоть без детей обошлось, иначе сидела бы сейчас одна с ребенком на руках. Мать-одиночка — незавидная судьба, уж я-то знаю, о чем говорю», — говорила мне мама. Незавидная судьба — шить детские платья для чужих девочек и никогда не шить для своих, потому что своих нет. Пока нет, но однажды будет, я и имя уже знаю, она сама назвала, когда приходила ко мне во сне, спустилась с самых высоких гор в волшебном платье с крылышками на пуговках. Бабушкиных пуговках, на которых держатся все платья мира, все крылышки, всё в доме держится, во всех домах мира, земного и небесного na wieki wieków.

Amen.

Микола ТРУС

«Лунное затмение» Го Можо: перевод, контекст, архивный дискурс

Работа с архивными материалами убеждает: при исследовании истории белорусско-китайских литературных связей многие выявленные материалы могут не только исполнять роль свидетелей прошлого, но и реализовывать ранее не востребованный потенциал связующих звеньев между культурами и разными временными периодами.

Эвристический путь открытия рукописей художественных переводов, аналитических статей, рассматривающих литературные процессы зарубежных стран, дружественных Советскому Союзу, демонстрирует, что белорусская составляющая в культурном диалоге прошлого сегодня может рассматриваться в качестве весьма примечательного явления.

Скрытые по разным причинам в рабочих материалах редакций тексты готовы предложить новое видение минской издательской платформы 1950-х годов в качестве национальной рецепции и ретрансляции трудов московских переводчиков и литературоведов.

Го Можо

КНИЖНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ

В 1950-х — начале 1960-х годов в СССР было широко представлено многогранное творчество китайского писателя Го Можо¹. Большая подборка стихотворных произведений включена в сборник «Поэты нового Китая» (Москва, 1953). Отдельными книгами вышли научные труды: «Эпоха рабовладельческого строя» (1956), «Бронзовый век» (1956). Книга воспоминаний «Песнь о бушующей волне» (Москва, 1962) отразила события наивысшего подъема антияпонского движения. Московское

¹ В советской издательской практике послевоенных десятилетий имя китайского писателя передавалось как Го Мо-жо. В настоящее время общепринятая форма написания Го Можо. В тексте (в том числе и в цитатах) мы придерживаемся современного написания (кроме ссылок на источники).

Государственное издательство художественной литературы выпустило в 1958 году Сочинения Го Можо в 3 томах, где были собраны поэзия, проза и драматургия китайского автора.

В послесловии к книге «Философы Древнего Китая» (1961), написанном членом-корреспондентом Академии наук СССР Николаем Федоренко, отмечается: «Академик Го Можо, возглавляющий Академию наук Китайской Народной Республики, является одним из выдающихся ученых современного Китая. Новаторский характер научных трудов Го Можо оставил его имя в ряду имен ведущих исследователей в современной науке. В 1958 году Го Можо был избран иностранным членом АН СССР»².

БЕЛОРУССКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Можно назвать беспрецедентным в национальной медийной практике послевоенного десятилетия детальное описание процедуры награждения китайского писателя, напечатанное в газете «Літаратура і мастацтва» 12 апреля 1952 г. — «Вручение международной Сталинской премии президенту Китайской Академии наук Го Можо». Сегодня этот

² Федоренко, Н. Т. Послесловие редактора // Го Мо-жо. Философы Древнего Китая. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. — С. 709.

Го Можо (первый слева) на вручении международной Сталинской премии. Москва, 9 апреля 1952 г.

архивный текст воспринимается как отражение духа и традиций своего времени (перевод с белорусского):

«За выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира президенту Китайской Академии наук, известному общественному деятелю, писателю и ученому Го Можо присуждена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

9 апреля в Кремле, в Свердловском зале, состоялось вручение награды славному сыну великого китайского народа. В зал, где состоялось вручение, пришли представители общественности столицы — ученые, новаторы производства, деятели искусства, писатели, — чтобы поздравить лауреата и выразить ему признательность за неуклонную борьбу против поджигателей войны, за укрепление мира и дружбы между народами.

Среди присутствующих — китайский писатель Мао Дунь, корейский писатель Ли Ги Ен, возвращающиеся на родину с сессии Всемирного Совета Мира, а также другие гости из Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики.

Присутствующие стоя приветствуют появление в зале Го Можо. На русском и китайском языках зачитывается постановление Комитета по международным Сталинским премиям о присуждении Го Можо Международной Сталинской премии за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира. Председатель комитета академик Д. В. Скобельцын вручает Го Можо диплом лауреата международной Сталинской премии и золотую нагрудную медаль и горячо поздравляет лауреата с высокой наградой.

Мужественного борца за мир приветствовали академик А. Несмеянов — от имени Академии наук СССР, академик Б. Греков — от имени Советского комитета защиты мира, Н. Попова — от имени Антифашистского комитета советских женщин, К. Симонов — от имени советских писателей. Все они говорили о заслугах Го Можо перед человечеством в деле защиты мира, об успехах китайского народа, который под руководством китайской коммунистической партии строит новую жизнь и отстаивает дело мира во всем мире.

Тепло встреченный присутствующими, с взволнованной речью выступил Го Можо. Он сказал, что получение международной премии мира, носящей имя мудрого Сталина, является величайшей честью для всего китайского народа. Го Можо говорил о героической борьбе китайского и корейского народов против американской агрессии. Он выразил уверенность в победе справедливого дела борцов за мир во всем мире.

Свои волнующие чувства по поводу получения большой награды Го Можо выразил в стихах. Поэт П. Антокольский прочитал эти стихи в переводе на русский язык.

— Сталинскую премию в сумме 100 тыс. рублей, — заявил Го Можо, — я передаю полностью Китайскому народному комитету защиты мира и борьбы с агрессией американского империализма. Я думаю, что лучшим применением этой премии будет использование ее на дело мира.

В заключение позвольте мне, — сказал далее Го Можо, — от чистого сердца пожелать вечного процветания братской дружбы между великими народами Китая и Советского Союза, пожелать дальнейшего укрепления лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом.

Елена МИХАЛЕНКО

Памяти великого человека

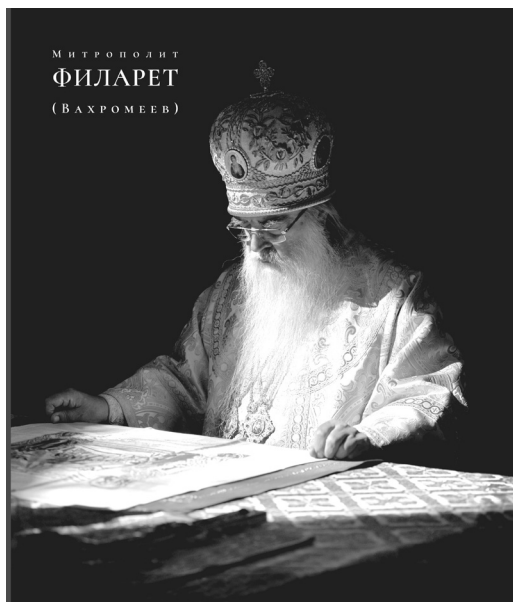
Рецензия на книгу «Митрополит Филарет (Вахромеев):
к 90-летию со дня рождения

Следует признаться: книгу «Митрополит Филарет (Вахромеев): к 90-летию со дня рождения» я брала в руки с особым интересом. Многолетнее личное знакомство, работа под его руководством, огромное уважение к Владыке — архипастырю, руководителю, человеку. Но найду ли я в новом издании что-то новое для себя, ведь прекрасных книг о митрополите Филарете уже было немало? Прочитала. Захотелось прочитать внимательно, рассмотреть многочисленные фото. Я не разочарована!

Книга вышла в свет в издательстве «Мастацкая літаратура» по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации, а также при консультативной поддержке Белорусской Православной Церкви к юбилею митрополита Филарета. Ее составитель — ведущий научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, доктор филологических наук, доцент Наталья Яковенко. В предисловии к тексту она указала, что книга представляет собой жизнеописание, составленное в форме литературной мозаики. Это хронологически и логически связанные между собой фрагменты воспоминаний самого митрополита Филарета, его родных и близких людей, отрывки из интервью, статей, выступлений и фотодокументы. Читатель может пройти вслед за главным героем от даты рождения — 21 марта 1935 года, до даты смерти — 13 января 2021 года.

Личность митрополита Филарета уникальна. Это церковный лидер, умевший выстраивать отношения с представителями государственной власти, с иерархами других вероисповеданий и с самыми простыми верующими — для каждого человека и каждого случая он находил верные слова. Это дипломат и миротворец. Человек невероятной образованности и культуры. Листая книгу, я нашла очень важное слово, которое сегодня встретишь нечасто: благородство. Вот что сразу выделяло его. И это было не внешнее благородство, а истинное, воспитанное от колыбели.

Открывает книгу вступительное слово митрополита Минского и Заславского Вениамина, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, в котором,

в частности, говорится: *«На страницах этого издания мы видим дорогого владыку не в привычных строчках биографии великого человека, а через призму восприятия тех людей, с которыми он встречался, которые его знали и любили, с которыми он делился своим духовным и интеллектуальным опытом. <...> Перед нами предстает яркий образ не просто религиозного и общественного деятеля, но живого человека с его верой в Господа, любовью к людям, житейской мудростью и добрым юмором».*

В первой части книги, где описаны детские годы Кирилла Вахромеева — будущего митрополита, очень ценны его воспоминания. Сначала радостные: о семье, о приезжавших гостях, среди которых были будущие святые. А потом тяжелые, ведь мальчику было 7 лет, когда началась война. Семья не эвакуировалась, оставалась в почти осажденной Москве. Интересно читать и воспоминания его родителей, которые сперва пишут о сыне-ребенке, подростке, юноше, а потом — о сыне-пастыре, духовном наставнике.

Далее — годы учебы в духовной семинарии и академии, жизнь в Троице-Сергиевой лавре, рукоположение. Первые zahraniчные командировки и высокие должности, к которым молодой человек не стремился, предпочитая тихое монашество. О будущем владыке рассказывают однокурсники и педагоги, среди которых немало выдающихся светских и духовных лиц. Какие его черты они вспоминают? Открытость, искренность, честность, справедливость, скромность и, конечно, безусловная вера и готовность принимать перемены как волю Божию. Должность ректора академии, руководителя отдела внешних церковных связей, Экзарха Западной Европы... Он не менялся, лишь багаж жизненного опыта становился больше.

И, наконец, в 1978 году назначение на белорусскую кафедру. До перестройки было еще почти десять лет. А Беларусь считалась самой атеистической республикой СССР. Закрыто множество храмов, практически уничтожено монашество, отсутствуют духовные учебные заведения, людей карают за поход в церковь на праздник... Как сумел митрополит выстроить отношения с властью? Первым делал шаги навстречу, отбросив дворцовый этикет. Пользуясь опытом служения в Западной Европе, предложил миротворческие инициативы. На конгрессах мира от имени Беларуси церковный лидер выступал вместе с представителями государства. А главное, потомок ярославских купцов и дворян сумел искренне полюбить Беларусь.

После снятия запретов на веру была проделана немыслимая по масштабам работа: созданы новые епархии, открыты духовные семинарии, училища, академия. Впервые на территории бывшего СССР появился факультет теологии при университете. Был получен доступ к архивам спецслужб, изучены материалы дел репрессированных и убитых священников. По результатам этой работы, проведенной по поручению владыки протоиереем Федором Кривоносом, канонизированы более 20 новомучеников — святых XX столетия. Построены и отреставрированы сотни храмов, при них открыты воскресные школы, братства и сестричества милосердия. Воссоздано православное книгоиздание, певческие и иконописные традиции. Организованы Кирилло-Мефодиевские и другие просветительские чтения, в которых участвовали историки и богословы с мировым именем. Воссозданы крест и рака святой Евфросинии Полоцкой, Туровский крест.

Алесь МАРТИНОВИЧ

Время для лучших — всегда лучшее

Рецензия на книгу Зиновия Пригодича «Созидатели. Книга 4»

С радостью встретил новую книгу Зиновия Пригодича «Созидатели. Книга 4». Для меня она, как видно из заглавия и аннотации, продолжение знакомства с автором. Отмечу, что «Созидатели» появились из серии «Постаці»: начало было положено в 2011 году книгой «З цэлым народам гутарку весці...». Потом вышли «Сэрца мільёнаў падслухаць біцця...» и «Гэткай шукаю цэлы век чэсці...». Получилась трилогия, в которой представлена яркая плеяда — 30 персоналий деятелей литературы и искусства: Василь Быков, Наталья Гайда, Алексей Дударев, Мария Захаревич, Леонид Захлевный, Леонид Левин, Игорь Лученок, Иван Мисько, сын народного песняра Беларуси Якуба Коласа Михась Мицкевич и многие другие.

Когда я знакомился с этими книгами, у меня нет-нет да и появлялась мысль: а почему бы не перевести их в переводе на русский язык? Как оказалось, так считал и

сам автор. Сначала поменял название серии. По-моему, в лучшую сторону. Все же «Постаці» звучит публицистически, как с газетной страницы, а «Созидатели» несут в себе тот важный смысл, ради которого Зиновий Пригодич, как мне кажется, и взялся за перевод. Творя ради процветания своей нации, созидатели и другим народам показывают, насколько высок творческий потенциал белорусов. Материала было много, и его поделили на четыре книги. В 2019 году вышла первая, в 2020 — вторая, в 2022 — третья; все в «Мастацкай літаратуры». А завершающая книга, о которой пойдет речь в этом тексте, вышла в 2024 году в издательстве «Беларусь».

Если бы позволял объем рецензии, следовало хотя бы вскользь сказать и о предыдущих книгах. Но анализ хочется начать не с этого. В последнее время появляется немало книг, рассказывающих о лучших представителях нашего народа, которые во все времена, не обращая

внимания на то, как называлась земля, на которой мы живем, делали все для того, чтобы она становилось лучше и прекраснее. Однако еще большая благодарность нашим современникам, которые совсем недавно жили вместе с нами. Впрочем, почему жили? По-прежнему живут благодаря тому, что Зиновий Пригодич запечатлел их образы, деяния на благо Отечества.

На этот раз под одной обложкой представлены портреты семерых творцов: Янки Брыля, Максима Лужанина, Алесь Савицкого, Бориса Саченко, Анатолия Сульянова, Максима Танка, Ростислава Янковского. Все они на виду у тех, кто интересуется достижениями национальной культуры. Однако Зиновий Пригодич, рассказывая о них в эссе, портретах, очерках — для него все жанры хороши, — ставил перед собой и сверхзадачу: подать материал так, чтобы даже те, для кого эти имена малознакомы, восхитились яркими биографиями и уникальными творческими особенностями. Но проявляется в этой книге и гражданская ценность: через жизнеописания выдающихся творцов мы осознаем значимость народа, нации как той общности, которая и ценна своей монолитностью.

Нельзя не отметить и такую особенность стиля Зиновия Пригодича, как доверительность — все, о чем рассказано, пропущено через сердце как автора, так и собеседника. В этом убеждает уже первое эссе о Янке Брыле «Ценить богатство родного слова»: «Мой Брыль, наверное, как и для многих, начался с его оригинального и неожиданного издания «Жменя сонечных промняў» («Горсть солнечных лучей»). Это небольшая — и по формату, и по объему — книжица, которая помещалась на ладони, наделала немало шума. Резонанс среди читателей был неслыханный. Думается, что и сам автор не ожидал такого огромного успеха».

Личное присутствует и в осмыслении феномена Максима Лужанина («Завязь пасеяных мар...»), проявившего себя во многих жанрах, да и прожившего долгую жизнь. Лучше понять значимость созданного писателем помогла поездка на его родную Случчину. В координатах этого маленького путешествия Зиновий Пригодич ведет разговор и с Максимом Лужаниным, и о Максиме Лужанине, и о временах, в которых ему пришлось жить. В фокусе внимания не только творческие вопросы, но и взаимоотношения с другими писателями, в частности с Якубом Кола-сом, у которого он, как известно, был литературным секретарем.

Свой подход Зиновий Пригодич находит и рассказывая об Алесе Савицком («Только мужественный достигает цели»), Борисе Саченко («Жить интересами народа»), Анатолии Сульянове («Духовность, нравственность — основа профессионализма»). Уже достаточно названий портретов, чтобы убедиться, что каждый из этих писателей в разговоре выбирал то, что ему наиболее близко. Хотя правильнее сказать, сосредотачивал внимание на том, что больше всего волнует. Зиновий Кириллович понимал, что, заостряя внимание именно на этом, легче выразить индивидуальность каждого, понять их не только как литераторов, но и как людей яркой гражданской позиции. Она не чужда всем персонажам четвертой книги «Созидатели». В большей степени, пожалуй, Максиму Танку («Мой хлеб насущный») и Ростиславу Янковскому («У меня два дома — моя семья и мой театр»). О них написано уже так много, что, кажется, Зиновию Пригодичу было не просто подступить к теме. Но важен результат, то, как осуществлен его творческий замысел. Если сказать одним словом: чудесно!

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 году в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

МОРОЗОВ Змитрок (Дмитрий Дмитриевич). Родился в 1954 году в поселке Язбы Крупского района Минской области. Окончил агрономический факультет Белорусской сельскохозяйственной академии. Автор 30 книг поэзии и прозы для детей и взрослых, а также автор первого в славянской поэзии венка венков сонетов «Апакаліпсіс душы». Лауреат премии Ленинского комсомола Беларуси и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Лауреат Республиканской литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович. Родился в 1983 году в Гомеле. Окончил Белорусский государственный университет транспорта по специальности «Автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте». Живет в Минске.

ЛИПНЕВИЧ Валерий Иванович. Родился в 1947 году в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик стихов и прозы с белорусского и других языков. Автор ряда поэтических сборников, выходивших в Беларуси и России. Живет в городе Руза Московской области.

ЖДАН (ПУШКИН) Олег Алексеевич. Родился в 1938 году в городе Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Прозаик, драматург, переводчик. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

БЫКОВА Светлана Анатольевна. Родилась в 1962 году в городе Заславле Минской области. Окончила Институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. Поэт, прозаик, переводчик. Автор ряда книг для детей и взрослых. Лауреат Республиканского конкурса «Женщина года — 2017» в номинации «Культура и духовность», а также республиканских и международных литературных конкурсов. Награждена медалью Франциска Скорины. Живет в Заславле.

НЕХАЙ Валерий Николаевич. Родился в 19451 году в городе Балхаш (Казахстан). Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор четырех книг прозы и книги пьес. Живет в Минске.

СВЕТЛОВА Наталья Анатольевна. Родилась в 1989 году в городе Ивацевичи Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, публицист. Автор поэтического сборника «Праз фортку сэрца». Работает в государственной республиканской газете «Звязда». Живет в Минске.

КЛЕВКО Виктория Игоревна. Родилась в 1989 году в Минске. Окончила факультет английского языка и литературы Минского государственного лингвистического университета. Прозаик. Живет в Минске.

